
Освобождение от оков
Петр Егоров

Петр Егоров

Освобождение от оков

https://litres.ru/74738642
SelfPub; 2026

Аннотация

История о среднестатистической женщине России, которая жила не своей жизнью, не своими мечтами.

Она не выиграла в лотерею «Успешного успеха».

Она не купила курс «Как выйти на пассивный доход за 21 день».

Она просто устала тонуть. Капитализм обещал ей крылья, а дал якоря.

Обещал свободу, а вручил график 24/7.

Обещал «Ты можешь всё», а забрал последнее «Я». Она вышла не красиво.

Не с фильтром и музыкой.

А с разбитыми коленями, с долгами, которые до сих пор пишут ей по ночам, с голосом в голове, который до сих пор шепчет: «А вдруг ты просто недостаточно старалась?» Она вышла потом и кровью.

Собственным. И теперь стоит здесь — не богатая, не «успешная» в их понимании, но свободная.

Живая. Такие истории не снимают в мотивационных роликах.

Их не продают в красивой упаковке.

Их проживают. И именно поэтому они настоящие.

Содержание

Введение. Вирус «Капитализм головного мозга» 7
Часть I. Корона и кабала 11
Глава 2. Цена пьедестала 19
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Освобождение от оков

«Освобождение от оков: потом и кровью»

Хроники классового сознания

Она не выиграла в лотерею «Успешного успеха».

Она не купила курс «Как выйти на пассивный доход за 21 день».

Она просто устала тонуть. Капитализм обещал ей крылья, а дал якорь.

Обещал свободу, а вручил график 24/7.

Обещал «Ты можешь всё», а забрал последнее «Я». Она вышла не красиво.

Не с фильтром и музыкой.

А с разбитыми коленями, с долгами, которые до сих пор пишут ей по ночам, с голосом в голове, который до сих пор шепчет: «А вдруг ты просто недостаточно старалась?» Она вышла потом и кровью.

Собственным. И теперь стоит здесь — не богатая, не «успешная» в их понимании, но свободная.

Своя.

Живая. Такие истории не снимают в мотивационных роликах.

Их не продают в красивой упаковке.

Их проживают. И именно поэтому они настоящие.

Содержание:

Введение. Вирус «Капитализм головного мозга»
Часть I. Корона и кабала
Глава 1. Советская закалка в мире хищников
Глава 2. Цена пьедестала
Глава 3. Распад атома
Часть II. Два одиночества системы
Глава 4. Изгой по собственному выбору
Глава 5. Точка бифуркации
Часть III. Диалектика освобождения
Глава 6. Уроки политэкономии для «королевы»
Глава 7. Снятие розовых очков
Глава 8. Битва за правое дело
Часть IV. Новый человек
Глава 9. Звездочка с тряпкой
Глава 10. Штурвал в своих руках
Заключение. О свободе и оковы

Введение. Вирус «Капитализм головного мозга»

От автора-составителя

Мы живём в эпоху, когда атомизация общества достигла своего логического завершения. Ещё полвека назад человек был частью коллектива — пусть несовершенного, но дававшего ощущение опоры. Сегодня же коллектив окончательно заменён «личным брендом», а классовое братство — конкуренцией за место у кормушки.

Самое страшное проявление этой атомизации — так называемая «война полов». Разводы перестали быть исключением и стали нормой. Женщины из «прекрасного пола», освобожденные от необходимости выживать физически, но загнанные в еще более жесткую гонку за статусом, массово оказались в ловушке «детского пола» — капризного, требовательного, инфантильного, где их достоинство измеряется товарными единицами, а лозунг «Я достойна лучшего» превратился в индульгенцию для бесконечного потребления. Мужчины же, лишенные прежней роли добытчика, но не получившие взамен новой, перестали верить в любовь как в ценность, воспринимая семью как рискованный инвестиционный проект с отрицательной доходностью, а себя — как расходный материал системы.

Но было бы глубоко ненаучно сводить этот кризис к «испорченности нравов». Это лишь надстройка. Базис же – дикий разрыв между бедными и богатыми, хронический кризис экономик, где прибыль перестала инвестироваться в человека, и политика государств, которая всё больше напоминает обслуживание финансовых спекуляций, а не реальных потребностей граждан.

Мы живём по сценарию, который предсказывали Оруэлл и фантасты киберпанка: технологии работают не на освобождение человека от труда, а на тотальный контроль и отупляющие развлечения. Рождаемость падает, потому что дети в этой логике – слишком дорогой и непредсказуемый актив. Население закредитовано, но в социальных сетях транслируется иная реальность: там к одинокой, но «успешной» женщине выстраиваются очереди из миллионеров, а мужчины создают яркие картинки насыщенной жизни, за которыми — пустота, страх и чувство полного краха.

Вспомните: ещё каких-то тридцать лет назад соседи сообща делали ремонт в подъезде или обустраивали двор. Сегодня это кажется фантастикой. Люди настолько поглощены собственными страданиями, что перестали видеть кого-либо вокруг. Центром вселенной стало собственное «я», которое система одновременно раздувает (через культ потребления) и обесценивает (через невозможность достичь идеала).

Отчуждение достигло такого пика, что человек перестал принимать самого себя. Если я не вписываюсь в тренд, ес-

ли моя зарплата не позволяет купить очередной «обязательный» гаджет, если моё тело не соответствует отфотошопленному идеалу — я никто. Что уж говорить о других людях? Их мы вообще перестали замечать.

Эта гонка за трендами — не просто глупость. Это механизм перераспределения прибавочной стоимости. Богатые слои становятся ещё богаче, эксплуатируя самолюбие и неуверенность бедных. Бедные же, вместо того чтобы объединиться, разрознены и убеждены: их главный враг — сосед, который купил машину новее, или бывший муж/жена, которые «не оценили».

Каждому кажется, что выхода нет. Но самое ужасное для обывателя — не отсутствие выхода, а перспектива остановиться. Выйти из гонки за трендами, посмотреть на свои кредиты, на своё одиночество, на разрушенные семьи — и признать: я был частью системы, которая меня использовала. Это признание кажется более страшным, чем долговая яма, потому что оно рушит главную иллюзию: иллюзию собственной исключительности.

Эта книга — не сборник советов «как стать успешным». Эта книга — анатомия освобождения. История женщины, которая прошла путь от «короны на голове» до швабры в руках, от веры в «успешный успех» до понимания классовой солидарности. И мужчины, который, будучи раздавлен системой, сохранил в себе способность не просто чинить краны, но и чинить сломанные сознания.

Это история о том, как двое, выброшенных на обочину капиталистической гонки, вместо того чтобы продолжать враждовать (как того требует логика «войны полов»), нашли друг в друге не просто партнёров, а единомышленников. И открыли для себя истину, которую так долго скрывали розовые очки: индивидуальное выживание при капитализме — это путь в никуда. Спасение — только в объединении и снятии иллюзий.

Перед вами — хроники классового сознания. Написаны потом и кровью. Потом — от непосильной гонки за трендами. Кровью — от разбитых иллюзий.

Часть I. Корона и кабала
Глава 1. Советская закалка в мире хищников

Она родилась в конце восьмидесятых, когда страна, в которой она появилась на свет, ещё называлась СССР. Это была эпоха, когда слово «кредит» вызвало бы у её родителей такое же недоумение, как «инопланетяне» или «вечный двигатель». Денег было немного, но их хватало, чтобы не думать о завтрашнем дне с содроганием.

Лена смутно помнила, как мама однажды вернулась из магазина с новым платьем и сказала отцу: «Взяла в долг у тёти Нюры, до получки отдам». Отец только крякнул: «Долг — дело такое, спать не мешает». Никаких бумаг, никаких процентов. Запись в тетрадке — и всё. Потом мама получала зарплату, и долг исчез. Слово «кредит» тогда вообще не звучало. Казалось, это что-то из другой жизни, из другого мира.

А вот что звучало часто — это «получка». В день зарплаты родители становились щедрыми: покупали колбасу, лимонад, иногда даже торт. Лена любила этот день. Но ещё больше она любила тишину, когда родители не ссорились из-за денег. А ссорились они часто. Она пряталась под одеяло, зажимала уши подушкой и ждала, когда всё закончится. Утром они снова были вместе, будто ничего не случилось.

Так она усвоила первый урок: любовь — это когда терпят.

Родители её были молоды, беззаботны и, как тогда казалось, вечны. Детство девочки — а тогда она была просто Леной, без должностей, кредитных карт и короны на голове — прошло в периодичных гуляньях. Родители звали друзей, стол накрывался, музыка играла до утра, пока последняя капля в бутылке не иссякала. Это была их форма свободы. И назвать их асоциальными нельзя: они работали, получали необходимое, детей кормили-одевали. Но что-то в этих гуляньях навсегда отпечаталось в сознании дочери: взрослые живут так, будто завтра не наступит.

Она помнила, как однажды, когда ей было лет шесть, проснулась ночью от громкого смеха. За стеной гремела музыка, кто-то пел под громкую музыку, а кто-то танцевал. Она вышла на кухню попить воды и увидела отца, который танцевал с другими гостями. Мать сидела в углу с сигаретой и улыбалась, но глаза у неё были пустые. Лена постояла в дверях, но её никто не заметил. Она вернулась в кровать и долго лежала, глядя в потолок. Наутро гости ушли, мать и отец спали, а горы остатков грязной посуды, пустых бутылок и объедков оставались на столе. Лена села на кухне, взяла веник и начала подметать осколки разбитой рюмки. Только потом, уже взрослой, Лена поняла: она тогда хотела, чтобы мать её заметила, похвалила, обняла. Но мать была в своём мире — уставшая, опустошённая после очередной гулянки.

Она любила родителей. И ненавидела тоже. Любила — по-

тому что они родители. Ненавидела — потому что считала: так прожигать жизнь, когда у тебя есть дети, непростительно. Она рано научилась смотреть на них как бы со стороны, примеряя на себя роль старшей. «Вы могли бы думать и о нас», — говорили её глаза, когда отец с очередной рюмкой рассказывал анекдот, который все уже слышали сто раз.

Особенно остро это чувство проявилось, когда сестре исполнилось три года. Родители устроили праздник — по тем временам неслыханная роскошь. Лена помогала накрывать на стол, раскладывать конфеты, а потом стояла в стороне, пока все восхищались именинницей. В конце вечера мать сказала: «Лена, убери со стола». Никакого «спасибо», никакого «ты у меня молодец». Просто очередная обязанность. Она убирала и думала: если я буду такой же хорошей, как сестра, меня тоже будут любить. Но сколько ни старалась — чувствовала, что любовь родителей всегда уходит к младшей.

Она была первенцем. И пока отец проходил срочную военную службу, связь между ними осталась особой — может быть, отцовское отсутствие сделало его образ более значимым, а может, просто характер сошёлся. Зато сестра родилась позже, когда отец уже вернулся, и родители, уставшие от первого опыта, окружили младшую какой-то особой нежностью. Лена видела это. Она видела, как взгляд матери теплеет, когда речь заходит о сестре, как отец легче прощает ей шалости. И в детской душе занозой засела мысль: я не главная. Меня недолюбили.

Был случай, который она запомнила на всю жизнь. Весенние каникулы, каток. Отец учил сестру кататься на коньках, держал её за руку, смеялся, когда она падала. Лена сидела одна — она не умела. Ей хотелось, чтобы отец и её взял за руку. Она специально вышла на каток упала, громко, с размаху. Отец обернулся, крикнул: «Вставай, не маленькая!» — и снова повернулся к сестре. Лена сидела на льду, чувствуя, как холод пробирается сквозь штаны, и смотрела на них. Внутри что-то щёлкнуло. Она встала сама, отряхнулась и пошла. С тех пор она никогда не падала на людях. Она научилась держать удар.

Занозу эту потом назовут «комплексом отличницы», «стремлением доказать свою значимость», «гиперответственностью». Но суть одна: человек, которому в детстве показалось, что его любят меньше, чем другого, всю жизнь будет пытаться заслужить эту любовь подвигами, должностями и кредитами.

Спасали бабушка с дедушкой. Люди «советской закалки» — это выражение она слышала от них самих, и тогда не понимала до конца, что оно значит. Теперь, оглядываясь назад, она видит: это означало, что они привыкли не ждать милостей из вне, а полагаться на свои руки, свой труд и слово, данное однажды. Дедушка с бабушкой были авторитетны в посёлке и их никто не видел в грязных делах. Дом родителям построили именно они — потому что ни отец, ни мать не смогли бы сами. Дедушка с бабушкой организовали для них

все: участок, пиломатериалы, строителей и т.д. Стены росли не на кредитные проценты, а на честном горбу.

Лена часто оставалась у них на всё лето. Бабушка вставала в пять утра, топила печь, месила тесто. К семи уже пахло пирогами. Дедушка возился в мастерской — строгал, пилил, что-то чинил. Она сидела рядом на табуретке, смотрела, как его руки, твёрдые и узловатые, превращают дерево в ложки, табуретки, игрушки. «Деда, а почему ты сам всё делаешь? — спросила она однажды. — В магазине же продаётся». Дедушка усмехнулся, отложил рубанок: «В магазине, милая, продаётся то, что кто-то сделал. А если я сам сделаю — это моё, на века. И никому не должен». Потом взял её за руку и добавил: «Ты запомни: самое дорогое — это то, что своими руками сделано. И самое надёжное. На чужое добро не надейся».

Она не совсем понимала тогда, о чём он говорит. Но чувствовала: здесь, у бабушки с дедушкой, она была нужна. Бабушка учила её печь пироги, дед брал с собой в лес за грибами. Здесь её не сравнивали с сестрой, не забывали, не оставляли в стороне. Здесь она была просто Леной, внучкой, которую любят. Без условий. Без «будь хорошей».

Лена помнила их дом, помнила запах пирогов, помнила, как дед сажал её на колени и рассказывал о жизни, о работе, о том, что «человек должен быть нужным». Он не говорил «успешным». Он говорил «нужным».

Перед тем как Лена уезжала в город после лета, дед всегда

провожал её. В последний раз, когда она уже была старшеклассницей, он сказал: «Ты, главное, не теряй себя. Будешь большой начальницей — не забывай, откуда родом. А то эти ваши города... там люди друг друга не видят. Все спешат, все чего-то хотят. А жизнь-то она простая: чтоб совесть чиста была да руки не ленились». Она тогда засмеялась: «Деда, какие руки? Я документы буду перекладывать». Он покачал головой: «И документы тоже руками делают. Главное — чтобы ты себя в них не потеряла».

Эти слова всплывут в её памяти много лет спустя, когда она, начальник департамента, будет сидеть в кабинете с видом на центральную площадь и понимать, что она потеряла себя окончательно.

В девяностые она росла, а страна вокруг превращалась из «СССР» в «рынок». В нулевые она взрослела, и этот рынок диктовал правила: ты стоишь ровно столько, сколько у тебя денег, связей и статуса. Она хотела поступать на учителя или журналиста — профессии, где можно было оставаться человеком или хотя бы управлять чужими деньгами. Но мать настояла: «Иди на юриста. Юрист всегда при деньгах. Бумажки перекладывать — не мешки ворочать».

Разговор с матерью был тяжёлым. Лена принесла домой брошюру с перечнем вузов, обвела кружочком факультет журналистики и педагогический. Мать посмотрела, отложила в сторону и сказала: «Ты что, дура? Будешь потом за копейки в школе работать или в газетёнке статейки строчить?

Посмотри вокруг: сейчас юристы нужны везде. Деньги — вот что решает». Лена попыталась возразить: «А если я не хочу деньги, я хочу детей учить, или писать...» Мать перебила: «Ты ещё маленькая, чтобы знать, чего хочешь. Я лучше знаю. Юрист — надёжно. Не спорь».

Она не стала спорить. Она привыкла не спорить с матерью. Привыкла делать то, что скажут, чтобы потом, когда получится, доказать, что она достойна. Может быть, если она станет хорошим юристом, мать наконец посмотрит на неё так же, как на сестру?

Она подала документы на юрфак. Поступила. И навсегда запомнила тот день, когда получила студенческий: мать улыбнулась и сказала: «Вот, умница. Теперь ты при деле». Ни «я горжусь тобой», ни объятий. Просто констатация факта. Лена спрятала обиду глубоко внутрь и решила: она станет лучшей. Она всем докажет.

Она послушалась. И сделала первый шаг по дороге, которая привела её к начальнику департамента, ипотеке и кредитной карте.

Но тогда, в студенчестве, она ещё не знала, чем это кончится. Она просто училась, старалась, подрабатывала по ночам в юридической консультации, чтобы не просить денег у родителей. Ей казалось, что если она будет много работать, то обязательно добьётся успеха. Ей никто не объяснил, что успех при капитализме — это не про труд, а про умение продавать себя, про связи, про готовность переступать через-

свои принципы. Она узнает это позже. Слишком поздно.

Но одно она знала точно уже тогда: она не будет жить, как её родители. Не будет гулянок до утра, не будет ссор из-за копеек, не будет чувства, что тебя не видят. Она построит свою жизнь сама. Она будет успешной. Она будет нужной. Она будет любимой. Хотя бы потому, что заслужит.

Глава 2. Цена пьедестала

В студенчестве она встретила того, кто станет её мужем, отцом её сына, а потом — просто хорошим другом. Тогда всё было просто: любовь, совместные планы, вера в то, что «мы всё преодолеем». Но даже тогда, в юности, в ней уже сидела та самая «корона», которую она наденет в полный рост позже.

Познакомились они на втором курсе, на кафедре гражданского права. Он был старше, серьёзный, третьекурсник. Она — яркая, дерзкая, с «красным дипломом» в перспективе. Сначала он просто помогал ей с курсовой, потом они стали задерживаться в библиотеке допоздна, потом — гулять по набережной. Она влюбилась в его спокойствие, в его уверенность. Он говорил с ней так, будто она уже взрослая, будто её мнение имеет вес. С ним она чувствовала себя значимой.

Но уже тогда проявилась та «черта характера», которая потом станет роковой. Он каждый день приходил к ней через пять остановок пешком, чтобы проводить ее до ВУЗ-а. Но в тот день он не пришел. Она накричала на него по телефону, бросила трубку, полчаса не отвечала на звонки. Он примчался после обеда с цветами, и извинялся так долго, что она наконец сменила гнев на милость. «Ты должна понять, — сказала она ему тогда, — если ты меня любишь, я должна быть для тебя на первом месте». Он кивнул. Она тогда не

заметила тени в его глазах.

Она была красива, умна, целеустремлённа. И она была всегда права. Её слово — закон. Её желание — приказ. Если ей казалось, что он должен поступить так, а не иначе, то она не сомневалась в своей правоте. Если ей было плохо, весь мир должен был остановиться и пожалеть её. Она не была злой — она была инфантильной. Она искренне верила, что любовь — это индульгенция. Если он меня любит, он будет терпеть меня любой. Капризной. Недовольной. Требующей внимания как ребёнок, который никак не может повзрослеть

Откуда взялась эта уверенность? Из детства, конечно. Она же видела: мать с отцом ссорятся, но потом отец приходит с извинениями и подношениями. Терпит и не уходит. Значит, любовь — это когда терпят. Значит, если мужчина любит, он будет терпеть всё. Эта формула въелась в неё глубже любых юридических конструкций. Она даже не сомневалась в её правильности. Она просто жила по ней.

А ещё она помнила, как в детстве ей казалось, что родители любят сестру больше, просто потому что та была, да временами: шумела, требовала внимания, капризничала. Лена же, наоборот была тихой, послушной, не создавала проблем. Она. И в глубине души надеялась: если я буду громче, если буду больше требовать, меня заметят. Привычка требовать внимания через истерику приносила плоды, когда появился мужчина, который, казалось, готов был её терпеть, она перенесла эту модель на него.

Они поженились после четвёртого курса. Свадьба была скромной, без гулянок до утра — она не хотела повторять родительский сценарий. Она сама выбрала платье, сама договорилась с рестораном, сама распределила гостей. Он только кивал. Ей казалось, что это нормально: она лучше знает, как надо. Она же умная, она же юрист. Он потом скажет, что уже тогда чувствовал себя не мужем, а приложением к её амбициям.

Первые годы были сносными. Она работала юристом в небольшой фирме, он — в бюджетной организации. Денег не хватало, снимали квартиру, копили на ипотеку. Она вечно была недовольна: то он мало зарабатывает, то не уделяет ей внимания, то друзья у него «не того круга». Он оправдывался, старался, подрабатывал по вечерам. Она воспринимала это как должное. Он же мужчина, он должен.

Когда родился сын, она на время ушла в декрет. Это было самое сложное время. Она устала, вымоталась, а он всё так же много работал. Ей казалось, что он должен быть рядом каждую минуту. Она устраивала скандалы, когда он задерживался на работе. Требовала, чтобы он брал отпуск, чтобы помогал. Он брал, помогал. Но внутри что-то ломалось. Однажды, когда сыну было полгода, она устроила истерику из-за того, что он купил не тот сок, который она просила. Он молча собрал вещи, ушёл на кухню и сидел там до утра. Она не вышла к нему. Она ждала, что он придёт просить прощения. Он пришёл утром, извинился. Она приняла извинения,

но осадок остался у обоих.

Муж терпел. Пока мог. А потом сказал то, что она не ожидала услышать ни от кого, тем более от него: «Я не могу так больше. Надо строить свои жизни отдельно».

Это случилось в обычный вечер. Сын уже спал. Она сидела на кухне, листала ленту в телефоне, жаловалась на то, что подруга купила новую шубу, а у них даже на ремонт в ванной нет. Он молчал. Потом сказал: «Лена, мне нужно с тобой поговорить». Она не подняла головы. «Давай, говори». Он помолчал, вздохнул и произнёс эти слова. Спокойно, без надрыва. Как приговор.

Она сначала не поняла. Потом посмотрела на него, ожидая, что он улыбнётся, скажет, что пошутил. Но он не улыбался. «Ты серьёзно?» — спросила она ледяным тоном. «Серьёзно». Она вскочила, закричала: «Ты бросаешь меня с ребёнком? Ты! После всего, что я для тебя сделала!» Он не повышал голоса. «Лена, я устал. Я не могу больше жить в постоянном напряжении. Я не могу быть для тебя и мужем, и нянькой, и кошельком, и мальчиком для битья. Я себя теряю».

Она не слышала. Она кричала, била кулаком по столу, плакала. Он сидел и смотрел в пол. Потом встал, надел куртку и вышел. Ночь она провела одна, впервые за много лет. Утром он вернулся, собрал часть вещей и уехал в другой город. Она не останавливала.

Корона слетела. Не сразу, не в одночасье, но пошатнулась

так сильно, что трещина пошла по всей конструкции. Она осталась одна. С сыном. В двухкомнатной квартире, которую они приобрели в ипотеку.

Первые дни она ходила как в тумане. Кормила сына, укладывала спать, включала телевизор, чтобы не слышать тишину. Не звонила подругам, зачем? Чтобы они ее пожалели и поддакивали каким ужасным он был? Нет. Она этого делать не будет! Ведь он вернется… Если любит, то обязательно вернется. Как это бывает в романах и в кино. Но… внутри росло странное чувство: она одновременно ненавидела его и ждала, что он одумается.

Она перебирала в памяти их жизнь и находила только свои обиды. Она вспоминала, как он не приходил вовремя, как не догадывался, что ей нужно, как не дарил цветы без повода. Она не вспоминала, как он сидел с сыном по ночам, чтобы она выспалась. Как отдавал ей премии, а сам донашивал старые джинсы. Как терпел её крики, когда она выплёскивала на него усталость и злость. Она помнила только себя.

Первое время она ждала. Ей казалось, что так бывает в кино: мужчина уходит, страдает, потом возвращается и просит прощения. Она ждала, присматривалась к телефону, ловила себя на мысли, что задерживается у окна, когда он должен приехать за вещами. Но он не возвращался. И тогда в ней проснулось то самое, инфантильное, капризное, мстительное «Я», которое требовало сатисфакции.

«Он меня предал! Он не оценил! Пусть теперь страдает!

Пусть не видит сына! Пусть знает, каково это — потерять всё!»

Она начала придумывать, как ограничить его общение с ребёнком. В уме она выстраивала аргументы: он мало платит, он редко звонит, он не интересуется. На самом деле он платил исправно, звонил каждый день, но ей нужно было оправдание для своей мести. Она даже сходила к юристу, чтобы узнать, можно ли лишить его родительских прав. Юрист, пожилой мужчина, посмотрел на неё и сказал: «Вы хотите наказать его или защитить ребёнка?» Она не нашлась, что ответить.

Дома она села на диван, взяла сына на руки. Ему было два, он смотрел на неё доверчивыми глазами. «Мама», — сказал он и улыбнулся. Она вдруг представила, что этот мальчик через десять, через двадцать лет будет вспоминать, как мать запрещала ему видеться с отцом. Представила его боль, его обиду. И ей стало страшно.

О

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.